

RU

Репрезентации образа Петра I на примере образов
«Медного всадника» Э. Фальконе и А. С. Пушкина
в контексте социальной памяти:
от художественного образа к мифологическому

Фролова С. М., Ясакова Г. В., Данилов С. А.

Аннотация. Целью статьи является анализ основополагающих связей между мифологическими образами Петра I – «Медного всадника» Э. Фальконе и А. С. Пушкина – сквозь призму интерпретации и формирования мифа в контексте социальной памяти. Основное содержание исследования составляет анализ интерпретаций образа Петра I в творении Э. Фальконе и в произведении А. С. Пушкина «Медный всадник». Научная новизна исследования обусловлена междисциплинарным рассмотрением художественных образов «Медного всадника» Э. Фальконе и А. С. Пушкина как репрезентации мифообраза Петра I. В результате авторы заключают, что образ «Медного всадника» со сменой эпох не только утрачивал некоторые черты, характерные для ушедших времен, но и приобретал отличительные черты новых периодов. Кроме того, процесс интерпретации образа Петра I, созданного Э. Фальконе, устанавливая соответствие первоначальному его историческому образу, при этом сам стал основанием для интерпретаций. Образ «Медного всадника» Э. Фальконе, будучи художественным образом Петра I, в процессе мифологизации обретает черты мифологического образа, что, в свою очередь, порождает новые отражения-образы Петра, в процессе создания которых возник эффект преломления «лучей восприятия». То есть мифологический образ «Медного всадника», выступив в некотором смысле «точкой преломления», создав новые отражения, сохранившие свою связь с первоначальным образом Петра I, вобрал в себя определенные элементы «точки преломления», проявив определенную независимость от предыдущих образов.

EN

Representations of the image of Peter the Great as exemplified
by “The Bronze Horseman” by É. Falconet and A. S. Pushkin
in the context of social memory:
From artistic image to mythological figure

S. M. Frolova, G. V. Yasakova, S. A. Danilov

Abstract. The article aims to analyze the fundamental connections between the mythological images of Peter the Great – as presented in É. Falconet’s monument “The Bronze Horseman” and A. S. Pushkin’s poem of the same name – through the lens of interpretation and myth formation within the context of social memory. The core of the research involves analyzing interpretations of Peter the Great’s image in Falconet’s creation and Pushkin’s poem. The scientific novelty of the study lies in its interdisciplinary approach, examining the artistic images of “The Bronze Horseman” by both Falconet and Pushkin as representations of the mythological figure of Peter the Great. As a result, the authors conclude that with the changing of eras, the image of “The Bronze Horseman” not only shed certain features characteristic of past times but also acquired distinctive traits of new periods. Furthermore, the process of interpreting Peter the Great’s image, as created by Falconet, while establishing its correspondence to its initial historical image, itself became a foundation for further interpretations. Falconet’s “The Bronze Horseman”, being an artistic image of Peter the Great, acquires characteristics of a mythological figure during the process of mythologization. This, in turn, generates new reflections of Peter the Great, during the creation of which an effect of “refraction of perception rays” occurs. In other words, the mythological image of “The Bronze Horseman”, acting as a kind of “refraction point”, creates new reflections, preserving their connection to the initial image of Peter the Great, while incorporating certain elements of the “refraction point” and exhibiting a degree of independence from previous images.

Введение

Актуальность темы исследования демонстрирует трехвековая история формирования мифологических образов Петра I. Каждый последующий образ может как сохранять в себе черты исходного образа, так и утрачивать их, как обожествлять, так и искажать (в крайнем случае, очернять), но без этого процесс создания образов Петра I вряд ли был бы возможен. Стоит отметить, что значительная роль в истории формирования мифологических образов Петра I принадлежит его художественным образам.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- исследовать причины и закономерности проявления взаимосвязи исторического образа Петра I и его художественных образов на примере монумента Э. Фальконе и «Медного всадника» А. С. Пушкина;
- осуществить анализ интерпретаций образа Петра I в творении Э. Фальконе и в произведении А. С. Пушкина «Медный всадник», определить особенности восприятия мифологических образов Петра I.

Материалом для исследования послужили тексты поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник», описания монумента Петру I, письма философа Д. Дидро, скульптора Э. Фальконе, князя Д. А. Голицына, обзоры Салонов Д. Дидро для журнала «Литературная, философская и критическая корреспонденция» Ф. М. Гримма:

- Дидро Д. Салоны: в 2 т. М.: Искусство, 1989. Т. 1;
- Дидро Д. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1940. Т. 9. Письма;
- Пушкин А. С. Медный всадник. Л.: Наука, 1978;
- Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. Т. 17.

Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом. Текст писем на французском языке, с переводом на русский язык.

Также в целях исследования привлекались следующие издания:

- Блок А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965.
- Одоевский А. И. Сен-Бернар // Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», 1958.

Теоретическая база исследования представлена работами в области философии, теории искусства, истории и теории скульптуры, посвященными рассмотрению различных аспектов мифологического образа Петра I и его отражения в творении Э. Фальконе и в произведении А. С. Пушкина «Медный всадник»: историки искусства исследовали образ Петра I в изобразительном искусстве разных эпох, немало работ посвящено монументу Э. Фальконе (Аркин, 1990; Коваленская, 1941; Зарецкая, 1970). Интерпретация Д. Е. Аркиным замысла Э. Фальконе, представлявшим Петра I как благодетеля России, говорит о наличии вероятной мифологической трактовки скульптором образа императора, нашедшей воплощение в памятнике. Отношения между памятью и образом Петра I рассматривались преимущественно в общественном сознании России (Конанова, 2008; 2009). Знаковости «Медного всадника» посвятил свою статью Г. С. Кнабе (2006).

Для решения поставленных задач применялись следующие методы исследования. Герменевтический подход позволил рассмотреть мифологический и символический образы «Медного всадника» в практиках коммеморации. С помощью методов дискурс-анализа выявлены механизмы формирования образа «Медного всадника» в мифологических представлениях о Петре I. Обращение к системному и компаративистскому подходам дало возможность выявить концептуальную близость между мифологическими образами Петра I – «Медного всадника» Э. Фальконе и А. С. Пушкина – сквозь призму интерпретации и трансформации мифа в проблемном поле социальной памяти, установить связи между восприятием мифологических образов Петра I и особенностями коммеморативных практик.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут стать основой для дальнейшего изучения процесса формирования мифологических образов, связанных, прежде всего, с историческими личностями, а также могут быть использованы при разработке лекционных курсов, посвященных проблемам социальной мифологии и социальной памяти.

Обсуждение и результаты

По мнению известного философа М. Оукшотта, «образы созерцания отличаются от образов и научного, и практического воображения, не по причине своей “универсальности”, но вследствие того, что они узнаются как индивидуальности» (2002, с. 263). А с точки зрения Л. Витгенштейна, произведение искусства «не стремится передать ничего другого, кроме самого себя» (1994, с. 465).

Принимая во внимание то, что мифологические образы Петра I формировались в различных социальных группах и испытывали влияние различных идеологий, обусловив тем самым их выражение в многочисленных проявлениях художественной культуры, рассмотрение мифообраза Петра I сложно представить без связи с его художественными образами. На этом основании в качестве средств репрезентации образа Петра I в монументальном искусстве и художественной литературе были выбраны известный памятник Петру I работы Э. Фальконе и поэма А. С. Пушкина «Медный всадник». Выбор этих гениальных творений продиктован уникальностью отношений описываемых образов: каждый из них дополняет, обогащает другой, несмотря на их принадлежность к разным эпохам и разным сферам художественной культуры. Заметим, что восприятие, анализ, оценочное суждение, а также символ памятника Петру I объясняются и рассматриваются в большей степени через призму образа, созданного А. С. Пушкиным.

А. Белый, рассуждая о цели творческого процесса (создание словесной метафоры, то есть символа), писал, что по достижении этой цели, когда символ создан, мы оказываемся на границе поэтического и мифического творчества; «символ становится воплощением; он оживает и действует самостоятельно» (1910, с. 446). Применительно к мифологическому образу Петра I следует отметить, что на его мифологическую действительность может оказывать влияние как сам процесс художественного творчества, так и восприятие созданного художественного образа. При этом такой действительности свойственен образный характер, что можно проанализировать на примере монументального творения Э. Фальконе и «Медного всадника» А. С. Пушкина – двух художественных образов, связанных не только одним первоначальным историческим образом Петра I, но и степенью воздействия, оказываемого на различные слои общества. Это воздействие совершается в процессе переосмысления первоначального образа сквозь призму истолкования. По мнению Д. Е. Аркина, «художественный смысл монумента, его образное содержание неотделимы от того философского и поэтического их истолкования, какое дано в пушкинской повести» (1990, с. 311). Тот факт, что бронзовый монумент Э. Фальконе стал называться «Медным всадником» после создания А. С. Пушкиным своей знаменитой поэмы, подтверждает тесную связь между двумя образами.

Не стоит забывать также о том, что монументальное искусство оказало значительное влияние на сам процесс формирования мифологического образа Петра I благодаря визуальной доступности скульптурных образов более широкому кругу общества, так как возможность восприятия литературного «видения» ограничена письменной грамотностью.

Каждая эпоха формирует свою модель восприятия образа «Медного всадника» Э. Фальконе и его отражения в поэме А. С. Пушкина, «перечитывая» и переосмысливая прежние отражения. И это перечитывание преобразует национальное сознание. Оба творения являются выражением исторического времени и пространства, с которыми сопряжены условия жизни и творчества авторов. Иными словами, границы времени и пространства находятся в зависимости от их жизни, мироощущения, восприимчивости и созерцательной способности, на которые, в свою очередь, оказывают влияние культурно-исторические традиции эпохи. Можно сказать, что, беря за основу образы времени и пространства, представители искусства преобразуют их в соответствии с требованиями и традициями эпохи. Как следствие этого, мы имеем дело не с реальными пространством и временем, а с творческими, которые несут в себе «отпечаток творческой индивидуальности автора» (Джохадзе, 1983, с. 132).

Художественный (скульптурный) образ Петра I, созданный Э. Фальконе, трансформировался в мифологический образ, став при этом в дальнейшем сам источником отражения для создания мифологических образов в литературе, эволюция которой, как справедливо заметил А. П. Бондарев (2016), привела к тому, что история начала неизбежно мифологизироваться в рамках художественных работ. Продолжая эту мысль, можно предположить, что мифообраз является неотделимой частью как истории, так и художественного творчества.

Образы «Медного всадника» Э. Фальконе и «Медного всадника» А. С. Пушкина – это уникальный случай глубокого единения отражений двух художественных образов: скульптурного и литературного. «Медный всадник» А. С. Пушкина выходит за рамки простого литературного видения – поэт представил своеобразную интерпретацию монумента Э. Фальконе, создав при этом образ, соединивший в себе реальность (исторический образ Петра I и скульптурную композицию императору) и нереальность (мифологический, на грани фантастического, образ «Медного всадника»).

Не вызывает сомнений, что выбор А. С. Пушкиным идеи для своего произведения не является случайным. Это объясняет уникальность, «сверхъестественность» близости замыслов двух творцов, их перекликающееся восхищение образом Петра I.

Замысел А. С. Пушкина очень близок содержанию, которое вложил в свое гениальное творение Э. Фальконе, при этом ошеломляет фантастическая точность восприятия поэтом скульптурного образа Петра I, что позволило ему воплотить в своем видении «Медного всадника» многообразные оттенки образа, созданного Э. Фальконе.

Можно с уверенностью сказать, что гениальный замысел скульптора в полной мере нашел отражение в не менее гениальном произведении А. С. Пушкина:

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?* (1978, с. 21).

По мнению Д. Е. Аркина, памятник Петру I стал «темой и героем великого творения поэзии», потому что «сам он является великим творением искусства, великим прежде всего единством реалистического образа и исторического символа» (1990, с. 358). При этом, несмотря на интерпретации образов «Медного всадника» А. С. Пушкина и Э. Фальконе, которые звучали в различные исторические эпохи, фундаментальным принципом памятника служит «высокая идея России, ее юной мощи, ее победного восхождения по дорогам и кручам истории» (Аркин, 1990, с. 358).

Можно предположить, что некая сила «рекрутировала» Э. Фальконе, создав особо удачные предпосылки для воплощения его творческого замысла, обеспечив благоприятное стечение всех прочих обстоятельств его судьбы и судьбы его творения. Используя метод реконструкции прошлого, мы сможем получить срез исторической памяти, что позволит определить знаковые ориентиры современности, от которых зависит представление о будущем.

Как только Екатерина II одобрила саму идею о возведении памятника Петру I, князь Д. А. Голицын благодаря совету французского философа Д. Дидро довольно быстро справился с данным ему поручением найти

скульптора. Перед последним была поставлена задача изготовить монумент в виде «конной статуи колоссального размера», именно это было прописано в контракте и в письме князя (Сборник императорского русского исторического общества, 1876, с. 9-10, 377-378). Следует отметить бескорыстие Э. Фальконе, которому князь Д. А. Голицын предложил за работу 300 тысяч ливров, но скульптор посчитал такую сумму преувеличенной и настоял на том, чтобы сумма не превышала более 200 тысяч ливров (Сборник императорского русского исторического общества, 1876, с. 10), о чем было написано в донесении от 31 августа 1766 года Н. И. Панину, с 1763 года находившемуся в должности старшего члена Коллегии иностранных дел, а с 1769 года – возглавившему ее. В то время Э. Фальконе был очень популярен во Франции, его произведения пленяли «своей поэтичностью и высоким мастерством исполнения, и именно в этом сила их очарования» (Зарецкая, 1970, с. 22), что несомненно говорит о богатстве внутреннего мира и тонком вкусе скульптора. Данную оценку дополняют слова Д. Дидро, с которым был дружен Э. Фальконе: «...наименее удачное творение этого скульптора со всеми его недостатками явилось бы предметом вождения всякого мастера Академии» (1989, с. 194). Он также считал, что его друг наделен «истинной гениальностью со всеми ее приметами и несообразностями» (Дидро, 1989, с. 191). Согласно описанию философа-просветителя, «Э. Фальконе исполнен изящества, вкуса, ума, деликатности, прелести и очарования; он груб и вместе обходителен, приветлив и мрачен, нежен и суров; он мнет глину и режет мрамор, но не забывает о чтении и размышлении; он язвителен и доверчив, насмешлив и серьезен; он философ, но ни во что не верует и отлично знает, почему» (Дидро, 1989, с. 191). Данное описание говорит о неординарности скульптора, приступившего к реализации идеи создания памятника Петру I.

Несомненный интерес для анализа образа Петра I, созданного Э. Фальконе, представляет его переписка с Д. Дидро, который в одном из своих писем (сентябрь 1766 г.) рекомендовал своему другу: «*Покажите им, как вы собирались, вашего героя взбирающимся на горячем коне на служащую ему постаментом крутую скалу и прогоняющим варварство*», и далее Д. Дидро описывает свои представления о том, каким ему видится этот памятник: фигуры аллегии варварства, любви народов, символа наций, «размещенные на крутых выступках вокруг вашего бассейна, образуют одно восхитительное целое и представляют со всех сторон интересные зрелища» (1940, с. 345). Заканчивает он свое напутствие словами: «*Не пренебрегайте никакой правдой, придумайте, осуществите величайший памятник, какой только существует на свете*» (Дидро, 1940, с. 345).

Однако Э. Фальконе, создавая свой образ Петра I, собирался сосредоточиться «только на статуе этого героя», кем он считал российского императора, и дать его «не как великого полководца, не как завоевателя, хотя он несомненно им был», а продемонстрировать всем «более прекрасный образ – образ творца, законодателя, благодетеля своей страны» (Коваленская, 1941, с. 249).

По поводу же рекомендаций Д. Дидро относительно замысла монумента Э. Фальконе, считая, «*что Петр Великий сам свой сюжет и свой символ, его достаточно лишь показать*», написал в одном из своих писем (приводится в примечаниях к письмам Д. Дидро): «*Памятник будет простой. Ни варварства, ни любви народов, ни символа наций там не будет*» (Дидро, 1940, с. 565). Э. Фальконе представлял себе образ Петра I совершенно иначе: «*Мой царь не держит в руках жезла*», – пишет он, – «*он протягивает свою благодетельную правую руку над своей страной, которую объезжает. Он перепрыгивает через скалу, которая служит ему основанием, – эмблема преодоленных им трудностей. Так вот эта отеческая рука, этот галоп на крутой скале, – таков сюжет, который мне дает Петр Великий*» (Дидро, 1940, с. 566). Именно такое видение Петра I полностью пленило мастера. Не вызывает сомнений, что этот образ позволил наиболее ослепительно проявиться таланту Э. Фальконе, отразив не только исторический образ Петра I, но и подчеркнув одаренность скульптора. Несомненно, Э. Фальконе удалось ощутить и отразить своеобразие «перетекания» исторического образа Петра I в художественный.

Вполне обоснованной выглядит гипотеза о том, что оригинальность художника стала ядром «слияния» Фальконе с его уникальным творением, обретя особую значимость в создании мифологического образа «Медного всадника». В образе Петра I и его реформах мастер ощущал знаменательный момент в истории России. Конь, олицетворение России, остановлен властной рукой Петра I на краю бездны.

Это утверждение неоднократно упоминается Э. Фальконе, который при создании своего образа Петра I, не отрицая влияния Вольтера, несколькими словами передал его смысл: «Созидатель, Преобразователь, Законодатель», подчеркнув, что в его монументе «речь идет не о победителе Карла XII, а о России и ее Преобразователе». Да, в образе, который создал скульптор, образ России неотделим от образа Петра I. В «Медном всаднике», в котором запечатлен смысл целой эпохи, ее значение для народа и истории страны, по утверждению самого мастера, прославляется не только великий монарх, но и Россия. Не стоит забывать, что смысл монумента «на всех уровнях соответствовал культурным и эстетическим воззрениям эпохи в целом. Противопоставление просвещения и варварства в соответствии с господствовавшим мировоззрением воспринималось также и как часть более широкой оппозиции: цивилизации и дикой природы» (Кнабе, 2006, с. 138).

«Медный всадник» стал судьбоносным для русской культуры, трансформируясь в мифологический образ Петра I, он оказывается встроенным в контекст культурного мифа о Петербурге с момента открытия памятника, ставшего кульминационным моментом в мифологизации образа последнего царя и первого императора. В «Медном всаднике» воплотился, можно сказать, материализовался образ «царя-демиурга», богоподобного героя, который уже сформировался в пространстве социальной памяти, встроившись в мифологическое пространство города. Однако смена эпох повлекла за собой изменение восприятия образов: новое смысловое содержание наполнило понимание образа государства и монарха, что привело к изменению восприятия в художественном и мифологическом смыслах образа «Медного всадника». «Смыслы постоянно изменяются вместе с изменением потребностей, мотиваций, интересов, целей и др. личности» (Найдыш, 2019, с. 161).

Образ «Медного всадника» в поэме А. С. Пушкина уточняет облик «Медного всадника» Э. Фальконе, делая его более детализированным, интригующим. С одной стороны, «Медный всадник» представляет собой интерпретацию «Медного всадника» Э. Фальконе, воплощающую замысел французского скульптора, с другой – это образ фантастический, находящийся на границе реального и мифологического пространств. «Медный всадник» проявляет себя не только «кумиром на бронзовом коне», но и мифологическим воплощением «грозного царя».

Поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» считают одним из самых сложных произведений в творчестве поэта. Ее подвергали и подвергают самому детальному анализу историки, филологи и философы. Это многогранное творение, постижение которого не представляется возможным без учета природы мифологического образа Петра I. Благодаря Э. Фальконе и А. С. Пушкину этот художественный образ трансформировался в рамках мифа в мифологический образ, став фактом национальной культуры. Всадник на бронзовом коне в поэме А. С. Пушкина становится сакральным местом Петербурга. Художественная репрезентация Петра I в «Медном всаднике», созданная А. С. Пушкиным, обладает необыкновенной зрелищностью и пластичностью. Представленный им образ Петра I перекликается с другим художественным образом – творением Э. Фальконе. При этом следует отметить, что восхищение, которое поэт испытывает как перед Петром I, так и перед гениальным творением французского скульптора, не мешает ему избежать апологетики. Отношение к царю у А. С. Пушкина неоднозначно и противоречиво, поэтому и образ, представленный поэтом, полон противоречий. Поэту удалось на страницах своего произведения посредством художественных средств создать убедительный, сложный и глубокий по смыслу образ Петра I, который является утонченной моделью мифологизированного образа Петра I, хотя и близкого к его историческому образу. Как справедливо отмечает Е. И. Конанова, мы видим «абсолютного монарха, ставившего всю свою деятельность на службу государству, при полном отсутствии какого бы то ни было стремления учитывать интересы отдельного человека из разных слоев русского общества, если они шли вразрез с государственными интересами, как их понимал сам царь» (2008, с. 11-12). По мнению Е. И. Конановой, «отвергая исторические мифологемы... Пушкин, таким образом по существу создавал условия для решения научных задач в духе прошедшего рационалистического столетия» (2009, с. 62). Однако предпринятая поэтом деконструкция одних мифологических образов Петра I привела не к демифологизации, а к созданию другого мифологизированного образа.

В первых строчках поэмы перед нами возникает зримый образ императора:

На берегу пустынных волн

Стоял он, дум великих полн (Пушкин, 1978, с. 9).

Выделяя «он», поэт тем самым вкладывает особый сакральный смысл в образ Петра, которого воспринимает не только как историческую личность, но и как олицетворение мощной преобразовательной силы, демонстрируя свое восхищение. По сути, во вступлении своей поэмы А. С. Пушкин изображает Петра I в виде царя-демиурга, тем самым отождествляя его с божеством, следуя сложившейся еще в XVIII веке традиции, заложенной известным церковным и политическим деятелем Феофаном Прокоповичем и продолженной М. В. Ломоносовым.

Надо отметить, что этот образ присутствует только во вступлении, в дальнейшем на страницах поэмы мы наблюдаем столкновение понятий апологетики с реальностью. Для пояснения остановимся на претензиях Евгения, обращенных к монументу Петра I. Евгений считает Петра I богом (что, можно сказать, не противоречит сложившейся традиции): «мощный властелин судьбы», который по-прежнему всемогущ и, следуя логике безумца, ответственен за все, что сделал при жизни, а также способен оживить погибшую девушку. Безумец, сотворивший себе кумира, выглядит яростно и нелепо как в роли апологета, так и бунтаря. Маленький человек, которого всегда противопоставляли Герою, оказался теперь связан с ним воедино в восприятии читателя.

Образ «Медного всадника», который «неподвижно возвышался во мраке медною главой», предстает перед нами как «мощный властелин судьбы», «кумир на бронзовом коне». Созданный А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник» образ Петра I создает устойчивое ощущение присутствия самого Петра I в пространстве настоящего, оказывая влияние на будущее.

Следует отметить, что модель образа Петра I у А. С. Пушкина представляется более сложной, чем у Э. Фальконе. Объяснить это можно тем, что скульптор, будучи сторонником просветительской философии, воспринимал образ Петра I как «благодетеля своей страны», А. С. Пушкин, принимая образ, созданный Э. Фальконе, добавляет к нему деспотические черты. Это предположение подтверждается мотивом ужаса, который звучит в «Медном всаднике»: «Ужасен он в окрестной мгле!» (Пушкин, 1978, с. 21).

Ощущение наибольшего единения образов «Медного всадника Э. Фальконе и А. С. Пушкина возникает в тот момент, когда поэт заставляет Евгения обходить «кругом подножия кумира».

Как отмечает Н. Коваленская, борьба противоречивых элементов («бурного порыва и железного самообуздания») определяет «памятник таким насыщенным потенциальной энергией, таким огненным и в то же время величаво-спокойным», «разыгрывается в богатейших аспектах, открывающихся зрителю при обходе вокруг памятника по площади» (1941, с. 250). Об этом писал и Д. Дидро в одном из своих писем Э. Фальконе.

При входе на площадь со стороны Адмиралтейства всадник виден немного сзади, глядя на него, каждый может ощутить в полной мере буйный нрав коня, взвившего на дыбы, и мощь всадника, остановившего его на самом краю и простершего властно руку вперед, которая внезапно на фоне стремительного движения дает ощущение покоя. Возможно, именно вид с этого места оказал на А. С. Пушкина такое влияние, что он при восприятии творения Э. Фальконе дополнил его усложненной смысловой нагрузкой: «Какая сила в нем сокрыта! / А в сем коне, какой огонь!» (1978, с. 21).

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, что послужило источником замысла «Медного всадника» А. С. Пушкина. На сегодняшний день вопрос об истоках сюжета поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» остается открытым. Однако следует отметить, что первенство в названии монумента «Медным всадником» принадлежит А. Одоевскому, у которого в стихотворении «Сен-Бернар», написанном в 1831 году, мы можем найти знакомый образ: «*В полночной мгле, в снегах, есть конь и всадник медной*» (1958, с. 146). Но устойчивым выражением в отношении монумента Э. Фальконе «Медный всадник» стал только после опубликования поэмы А. С. Пушкина.

Схематизируя, можно сказать, что А. С. Пушкин осуществил *реконструкцию* образа Петра I с проекцией на основополагающий образ «Медного всадника» и *деконструкцию* традиционного мифологического облика Петра I в художественном тексте.

Примечательно, что чем интенсивнее становилась дискуссия о различных аспектах образа «Медного всадника» в поэме А. С. Пушкина, тем убедительнее было ощущение, что мифологическому аспекту принадлежит главная роль как в художественном образе, созданном автором, так и в анализе конфликта и сюжета.

Удивительно, но мифологизированный образ «Медного всадника» продолжает отбрасывать отражения-образы. Слова А. Блока, которые он записал в своей записной книжке: «...все мы находимся в вибрации его меди» (1965, с. 169), – метафорически передают степень влияния образа «Медного всадника» на общество, и это влияние коррелируется в зависимости от интересов, запросов социальных групп, моральных и этических ценностей эпохи. Эта «вибрация» продолжает оказывать свое воздействие и по сей день. Музыкальностью гимна Санкт-Петербурга является музыка «гимна Великому городу» из балета «Медный всадник» композитора Р. Глиэра (1948). В. Ливанов снял фильм «Медный всадник России» (2019), посвященный истории создания памятника, в котором предпринята попытка объяснить, как творение Э. Фальконе стало одним из символов России.

Заключение

Исследование причин и закономерностей проявления взаимосвязи исторического образа Петра I и его художественных образов на примере монумента Э. Фальконе и «Медного всадника» А. С. Пушкина позволило авторам прийти к выводу, что мифообраз, дистанцируясь от своего первоначального образа (исторической личности Петра I), со сменой эпох не только утрачивал некоторые черты, характерные для ушедших эпох, но и приобретал отличительные черты новых эпох.

В ходе анализа интерпретаций образа Петра I в творении Э. Фальконе и в произведении А. С. Пушкин «Медный всадник» определено, что процесс интерпретации образа Петра I, созданного Э. Фальконе, устанавливая соответствие первоначальному его историческому образу, при этом сам стал основанием для интерпретаций. По сути, образ «Медного всадника» Э. Фальконе, будучи художественным образом Петра I, в процессе мифологизации обретает черты мифологического образа, что, в свою очередь, порождает новые отражения-образы Петра I. Однако, следует отметить, что в данном контексте в процессе создания этих новых отражений возник эффект преломления «лучей восприятия», то есть мифологический образ «Медного всадника», выступив в некотором смысле «точкой преломления», создал новые отражения, которые, не утратив своей связи с первоначальным образом Петра I, вобрали в себя определенные элементы «точки преломления», проявив определенную независимость от предыдущих образов. Выводы, полученные авторами, дают перспективы для дальнейшего исследования механизмов влияния художественных/мифологических образов, связанных, прежде всего, с историческими личностями, на процесс формирования социальной памяти.

Источники | References

1. Аркин Д. Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М.: Искусство, 1990.
2. Белый А. Символизм: книга статей. М.: Мусагет, 1910.
3. Бондарев А. П. Историзация мифа и мифологизация истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 10 (749).
4. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.
5. Джохадзе Н. И. К методологии исследования проблемы времени в искусстве и эстетике // Вопросы философии. 1983. № 1.
6. Зарецкая З. В. Фальконе. Изд-е 2-е, доп. Л.: Аврора, 1970.
7. Кнабе Г. С. Воображение знака // Кнабе Г. С. Избранные труды: теория и история культуры. М.: Летний сад, 2006.
8. Коваленская Н. «Медный всадник» Фальконе // Пушкин: сборник статей / под ред. А. Еголина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941.
9. Конанова Е. И. А. С. Пушкин о мифологическом образе Петра I в русском историческом сознании и общественной мысли XVIII века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 4.
10. Конанова Е. И. Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половине XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа: автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2008.
11. Найдыш О. В. Смысловая реальность и мифотворчество // Миф в истории, политике и культуре. 2019. № 3.
12. Оукшотт М. Голос поэзии в беседе человечества // Рационализм в политике и другие статьи / пер. с англ. Е. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002.

Информация об авторах | Author information**RU****Фролова Светлана Михайловна**¹, д. филос. н., доц.**Ясакова Галина Владимировна**²**Данилов Сергей Александрович**³, к. филос. н., доц.¹ Московский государственный университет имени О. Е. Кутафина^{2,3} Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского**EN****Svetlana Mihaylovna Frolova**¹, Dr**Galina Vladimirovna Yasakova**²**Sergey Alexandrovich Danilov**³, PhD¹ Kutafin Moscow State University^{2,3} Saratov State University

---

¹ frolovasvetla777@yandex.ru, ² galasgu@gmail.com, ³ danilovsa@sgu.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.08.2024; опубликовано online (published online): 20.09.2024.

Ключевые слова (keywords): мифологический образ Петра I; социальная память; художественный образ «Медного всадника»; Э. Фальконе «Медный всадник»; А. С. Пушкин «Медный всадник»; mythological image of Peter the Great; social memory; artistic image of “The Bronze Horseman”; É. Falconet’s “The Bronze Horseman”; A. S. Pushkin’s “The Bronze Horseman”.